

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Координаты секретного аэродрома выявили только на вторые сутки. Странно это было — где-то рядом взлетали и садились самолеты, гул шел отовсюду, даже с востока, откуда они приходили. Ситуация отдавала абсурдом. Акустика здесь имела причуды — звуки отражались от холмов, вязли в ельнике, тонули в болотах. «Чертовщина, товарищ лейтенант, по-другому не скажешь», — бормотал и крестился отсталый в плане материализма красноармеец Паньков. Остальные натянуто улыбались, но тоже терялись в догадках. Мистическая версия выглядела самой правдоподобной — фрицы якобы настолько обнаглели, что привлекают к работе дьявольские силы. Группы по три-четыре человека регулярно выдвигались в разных направлениях, но возвращались ни с чем. Аэродром отсутствовал.

— Нужен научный подход, товарищ лейтенант, — деловито изрек Леонид Пастухов — невысокий, но осанистый парень, отучившийся два года в институте военных инженеров. Дан-

ный факт он не выпячивал, даже как-то стеснялся, что два года протирал штаны на студенческой скамье, вместо того чтобы строить социализм, как все нормальные люди.

— Нужно поменьше умничать, — отрезал Глеб Шубин, — и расширить круг поисков. За северную гору не ходили? Боимся ноги стереть? Сержант Мамаев, бери троих — и вперед! А мы подождем. Особое внимание — ориентирам на местности.

Группа была многочисленной, вместе с Шубиным — тринадцать душ, плюс радиостанция весом в пуд. Столь людные компании в тылу врага Глеб не любил. Разведка — дело тихое, но рейд дальний, объект секретный, требовались группы поиска и группы прикрытия. Пришлось прислушаться к рекомендациям капитана Фокина — заместителя начштаба полка по разведке.

Группа базировалась в лощине, вокруг простирался нелюдимый осиновый лес с редкими вкраплениями березняка. Бойцы растянулись и нагребли на себя сухую прошлогоднюю листву. Кто-то пошутил: не кури, мол, товарищ, а то вспыхнешь, как соломенная баба. Сержант Петр Мамаев — широкий в кости, большеголовый, бритый наголо — степенно кивнул, дескать, приказ усвоил и побежал, пригнувшись, в гущу леса. Шубин проводил его взглядом. Парень был толковый, что плохо гармонировало с пудовыми кулаками, способными завалить быка. Красноар-

мейцы Лях, Ветренко и Костромин припустили за сержантом.

Шубин покосился через плечо. Настя Томилина лежала неподалеку и принципиально не смотрела в его сторону. В пухлом ватном комбинезоне она напоминала медвежонка. Капюшон был плотно натянут, завязан под подбородком, но все же непокорные волосы нашли выход на волю. Настя облизнула губы и припала к прицелу снайперской винтовки — очевидно, разглядывала бурундуков. Глеб с трудом оторвал от нее глаза.

Служить на кухне или в медсанбате Настя не желала, всеми правдами и неправдами отстаивала свое право находиться в мужской компании. «Никаких амуров на службе!» — решили они и скрепили это решение страстным поцелуем. Незачем смешить народ и отвлекать разведчиков от работы. Но в душе происходило что-то странное. Когда боец Томилина оставалась в части, Шубин чувствовал себя нормально, исчезало беспокойство. А сейчас постоянно приходилось проверять, на месте ли она, внимание рассеивалось. Но сладить с этим бедствием он не мог.

Настя была первоклассной разведчицей, отлично стреляла, умела сохранять невидимость и ладила с головой. Добро на ее участие в боевых операциях дал лично майор Малахов, временно командующий 290-м полком, поэтому Шубину пришлось смириться.

— Женщина в разведке — это в принципе интересно, — поддержал майора капитан Фокин, — и может пойти на пользу мужскому коллективу, если он будет на нее засматриваться...

— Теперь ты понимаешь, что я чувствую, когда жду тебя с задания? — однажды спросила Настя. — Почему я должна мучиться, а ты нет?.. Не волнуйся, родной, я в пекло не полезу, буду работать на подхвате!

Разведчики шептались, посмеивались над женщиной. Но однажды устыдились — в тот день Настя прикрывала группу и пристрелила троих вооруженных до зубов солдат, сидевших в засаде на тропе. Она подкралась с фланга и перебила их прицельными выстрелами. Парни потом тряслись, представляя, от чего избавила их эта молчаливая девчонка...

11 апреля 1942 года. В лесу царит первозданная тишина. Снег практически растаял, деревья и кустарники стоят голые, ошетинились ветвями. Островки черного снега еще встречаются в низменностях. Густеет жухлая трава, но уже кое-где зеленеет свежая поросль. Солнце жарило весь день и недавно пошло на закат. В гуще леса оно почти не чувствовалось, только во время коротких привалов бойцы поднимали к нему лица, греясь в теплых лучах...

За спиной раздался шум — в ложбину съехали в комбине зонах серо-ржавого цвета улыбочивый и курносый Толик Иванчин и лысоватый

Косаренко. Последний пристроился на кочке и извлек из кармана мятые папиросы. Иванчин удрученно развел руками. И эти ничего не нашли! Кто бы сомневался!

Вновь раздался гул — самолет приближался, шел на снижение. Хитрая акустика дробила звуки, разбрасывала их налево и направо. Но вроде дело происходило на севере...

Рев внезапно оборвался — самолет провалился в глухую зону. Осталась лишь приглушенная канонада — артиллерия работала плотно на северо-востоке и на юго-востоке. Среди деревьев мелькали люди в ржавом камуфляжном облачении — вспотевшие, перепачканные.

У сержанта Мамаева висел на груди автомат ППШ. За ремень цеплялись ножны с устрашающим тесаком — «позаимствовал» у бойца германского спецподразделения. Парни шутили: «Наш сержант сам не свой, как в воду опущенный ходит, если перед завтраком не зарежет пару-другую фрицев!»

Сергея Лях поскользнулся и отбил пятую точку. Ветренко злобно зашипел, но помог товарищу подняться.

— Товарищ лейтенант, ну и дела! Мы, кажется, нашли объект! — Мамаев от волнения глотал слова. — Вы оказались правы, надо было всего лишь расширить зону поиска. Мы в овраг спустились и чесанули по пади. Слышим грохот совсем рядом, даже испугались! И никакой чертов-

шины, просто аэродром расположен грамотно — в низине, а вокруг него холмы и скалы. Только охраны много, далеко не прошли. Гоша Ветренко собак испугался, ну мы и не стали настаивать.

Мамаев оскалился и мазнул взглядом упомянутого бойца. Тот был спокоен, как буддийский монах, только покачал головой. Хотел еще постучать пальцем по виску, но передумал — сержант ведь какой-никакой.

— Так, пошли, — заторопился Шубин. — Веди, Сусанин, да только правильно веди! Паньков, Ветренко, Саидов — остаетесь здесь, охраняете рацию, наш самый ценный груз!

Мурашки ползли по коже. Разведчики рассредоточились вокруг скалы, возвышающейся над долиной. Шубин припал к окулярам бинокля. Вот они и выявили важный объект, который находился у них прямо под носом!

До войны это был незаконченный военный аэродром, и его строительство не афишировали. В ближайшем населенном пункте — поселке Плавники — базировались спецтехника и строительный контингент. Аэродром расположили с умом — взлетно-посадочная полоса располагается в долине, над которой возвышаются лесистые холмы, выполняющие роль глушителя. Самолеты взлетали и сразу же растворялись в кучевых облаках. Эта местность с октября 41-го контролировалась захватчиками. Немцы хозяйничали здесь, как у себя дома, вот

уже полгода. К строительству привлекли военнопленных и закончили в сжатые сроки. Помимо основной бетонной полосы, имелась запасная — щебеночно-грунтовая, почти не раскисающая в межсезонье. Вдоль поля выстроились склады и ангары.

Раздался пронзительный рев — снижался самолет. Он вынырнул из-под облаков и стал стремительно терять высоту. Шасси коснулось бетона, машина вздрогнула, проехала метров двести и встала. Со стороны строений побежали люди в комбинезонах — обслуживающий персонал.

Прибыл одноместный двухмоторный штурмовик «Хенкель-129» — одна из последних разработок германской промышленности. Изделие маневренное, опасное, его прозвали «консервным ножом». Эти самолеты только недавно начали поступать в серийное производство, но их уже не любили.

Машина разворачивалась, покачивая крыльями, медленно уходила с полосы. Снова рев — из ниоткуда вынырнул второй штурмовик, плюхнулся на полосу, сбросил скорость. Аэродром работал в штатном режиме. Самолеты взлетали с полной боевой загрузкой, атаковали окруженные советские войска и возвращались на базу. Эти налеты доставляли серьезные хлопоты оккупавшимся в лесах подразделениям 113-й дивизии полковника Миронова. Они нападали на колонны, как своры голодных собак, носились за оди-

ночными целями и очень любили преследовать санитарные машины, набитые ранеными.

Снова резануло уши — два штурмовика с минимальным интервалом взлетели и растворились в небе. Задачу можно было считать выполненной, оставалось отправить в эфир координаты объекта. Но Шубин продолжал наблюдение. Аэродром был неприступен — по периметру колючая проволока, охрана с собаками и две вышки. Внешние посты могли располагаться где угодно, даже здесь, в этих скалах.

— Что делать будем, товарищ лейтенант? — подполз к Шубину Мамаев. — Эта штука работает, как часы, принимает даже бомбардировщики. Пока наши ее нащупают, пройдет уйма времени. Может, подкроемся, перебьем охрану и забросаем полосу гранатами? Какой-нибудь вред да нанесем...

— Отставить, сержант, — поморщился Глеб. — Умирать приказа не было. Не нужны вы мне мертвые. От мертвого солдата толку — ноль.

— Да, это так... — грустно признал сержант. — Нас, живых, с каждым днем все меньше. Оконфузились мы с этим прорывом к Вязьме... — И он замолчал, гадая, где кончается досада и начинается крамола.

На аэродроме базировалась штурмовая эскадрилья. Глеб считал прибывающие и взлетающие самолеты, зачем-то подсчитывал охранников. В задачу входило только выявить аэродром

и предоставить его координаты, с остальным должна была разобраться дальняя армейская артиллерия (или то, что от нее осталось). Но любопытство никто не отменял...

Настя грызла травинку и в упор не замечала лейтенанта, в которого была по уши влюблена. Любовь на войне — хуже некуда. Здесь долго не живут, и хорошо, если оба погибнут в один день. Сколько было предчувствий, тоска брала за горло — но нет, они все еще живы. А такими побрякками от Господа могли похвастаться немногие.

В разведвзводе из тридцати человек осталось двадцать — дюжину Шубин взял с собой, остальные дожидались в части. Парни подобрались толковые, но их, увы, брали пули. Гибли каждый день, к потерям относились философски, черствели, переживали в глубине души, наружу эмоции не выставляли. Из прежнего состава взвода, помимо Шубина и Насти, уцелели трое.

Дмитрий Краев погиб неделю назад. Бойцы лежали в окопе под обстрелом, шутили, строили планы на будущее. А потом, когда обстрел усилился, решили переместиться в блиндаж. Но Краев остался. Сразу и не поняли, что с ним, — лежал в естественной позе, словно на минутку прилег. Товарища помянули в тот же вечер. Косаренко был невозмутим, а Толик Иванчин пустил скупую слезу и пробормотал, что скоро они все там встретятся...

Лица менялись, как в калейдоскопе. При отборе Шубин предпочитал спортсменов, ладящих с головой. Петр Мамаев до войны занимался боксом, имеет первый юношеский разряд в полутяжелом весе, неоднократный призер областных соревнований. Приземистый Тимофей Бугров — тяжелая атлетика, ворочает штангу и гири и при этом не страдает неповоротливостью. Харьковчанин Гоша Ветренко занимался метанием копья и тоже добился многого. О своей спортивной карьере вспоминает с печалью — всегда мечтал выступить на Олимпийских играх, поразить своими достижениями не только советских, но и буржуйских граждан...

Глеб с усилием оторвался от бинокля и сполз в ложбину за косогором. По цепочке пошла команда возвращаться в лес, да не шуметь и смотреть по сторонам.

На базу в овраге вернулись минут через двадцать. «Хранители» радиостанции уже заждались.

— Где вас носит? — шипел Ветренко — стройный русоволосый парень. — Все ждалки прождали, а вас все нет!

Жилистый Ленька Пастухов забрался на дерево, ему бросили спиральную антенну. С третьей попытки паренек ее поймал.

— Вот там и сиди, студент, не шевелись, — ухмыльнулся Лева Глинский — боец тридцати лет, с вытянутым лицом и водянистыми глазами.

До войны он окончил радиотехникум в Куйбышеве и уверял, что разбирается в радиоделе. Глинский развернул рацию и надел наушники, при этом поглядывая на небо — под вечер набежали тучи, в любую минуту мог разразиться дождь. Позывные ушли в эфир.

Шубин бегло наговаривал текст: «Объект расположен в двух километрах к западу от поселка Плавники, к нему проложена грунтовая дорога. Бывший заброшенный объект наркомата обороны СССР, ныне перестроенный и функционирующий». Следом пошли координаты объекта: градусы, минуты, секунды — с их определением проблем не возникало. «Объект немаленький, растянут по долине, снарядов лучше не жалеть».

— А что, товарищ лейтенант, в армии остались снаряды? — горестно вздохнул Никита Костромин — сметливый паренек, бывший слесарь-наладчик Горьковского автомобильного завода.

Основания для сомнений имелись — боеприпасы в гибнущей 33-й армии заканчивались катастрофически. Еще неделя-другая, и артиллерия перестанет существовать. В арtpолку, входящем в состав 113-й дивизии, остались четыре орудия 122-го калибра и ни одного снаряда. Арtpолк воевал, как пехота, артиллеристов этому не обучали, и картина выглядела удручающе: огромные потери, тонушие в болотах роты, брошенные из-за отсутствия топлива грузовики и тягачи...